

Принцип добросовестности и институт вины в процессе переговоров в торговом праве России и Германии

Научный руководитель – Абросимова Елена Антоновна

Куркина Светлана Васильевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра коммерческого права и основ правоведения, Москва, Россия

E-mail: svetikyrkina98@mail.ru

Именно принцип добросовестности принято считать классическим и получившим широкое признание основанием для развития института преддоговорной ответственности физических лиц. Принцип добросовестности, или, *Treu und Glauben*, признается фундаментальным не только для немецкого права [8, S. 17]. Он был активно воспринят в актах международной частноправовой унификации, важное место он занимает и в отечественном правопорядке.

Камнем преткновения здесь традиционно становится некоторая растянутость и неопределенность рассматриваемого принципа. Особенно ярко это проявляется на преддоговорной стадии, когда стороны, казалось бы, еще ничем не связаны.

На сегодняшний день, в Германии термин *Treue* понимается как «надежность», тогда как *Glaube* - термин многослойный. Так, данный термин часто используется в актах, касающихся свободы вероисповедания - *Glaubensfreiheit*. Представляется, что семантически, *Glaube* описывает, скорее, добродетель не опекающего, как *Treue*, а опекаемого, более слабой стороны. Так или иначе, в XIV веке произошло слияние этих терминов в устойчивое выражение. Речь, как правило, шла о необходимости соблюдать лицами достигнутые договоренности, либо об обязанности лица брать в расчет интересы других лиц. Позже подход изменился, поскольку защиты потребовал уже принцип справедливости.

Восприятие духа, а не буквального содержания обязательств из договорных отношений сторон, учет обычаев, природы складывающихся отношений и правовых целей контрагентов - именно эти идеи и демонстрируют закрепленное впоследствии понимание рассматриваемого нами принципа (принципов) в §242 ГГУ [2]. Тем не менее, если говорить о его практической реализации - все не так радужно. Позитивистский подход критически подводил правоприменение к пресловутой юриспруденции понятий. «Украшение для учебников... применяемое от случая к случаю», как отзывался о *Treu und Glauben* Гедельман [6, S. 4]. Формальное, по своей сути, отношение к праву, консервативный подход судей привели к низкой популярности анализируемого принципа. Более пристальное внимание он получил в результате исторических и экономических перемен, не только в части гражданского, но и торгового оборота.

Сегодня исследователи анализируют этот принцип на основе разных теорий:

· **Теория предполагаемой воли сторон.** В данном случае, принцип добросовестности восполняет собой пробелы, когда сторонам по какой-либо причине не удалось договориться, а корреспондирующие диспозитивные нормы в праве по данному случаю отсутствуют. Однако тогда мы сужаем сферу применения принципа добросовестности до обязательств, опирающихся на автономию воли.

· **Теория социальных (нравственных) ценностей.** Здесь исследователи ставили перед собой задачу оставлять спорные вопросы на откуп доктрине [7, S. 36], которая уже впоследствии находит свое законодательное закрепление. Представляется, что и в этом случае не все гладко. Так, не вполне ясно, какие из закрепленных в законе

положений, в таком случае, будут соответствовать принципу *Treu und Glauben*, а какие - нет.

Российскому праву принцип добросовестности известен более века, несмотря на то что свое законодательное закрепление он получил относительно недавно. Несмотря на достаточно богатую историю становления, которая подробно освещается в трудах современных исследователей [5], сегодня идея о нем сведена к достаточно простой формуле: добросовестность контрагентов презюмируется - прекращение договора без причины не есть автоматическое нарушение закона. Более того, российская практика идет «от обратного» и пытается описательно проиллюстрировать, что считать добросовестным невозможно [3], ровно тем же занимается и законодатель в пункте 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса РФ [1].

Представляется, что такой подход не столько лишает принцип добросовестности налета романтики, сколько уводит нас от классического доктринального взгляда. Так, сложно отрицать универсальность позиции М.М. Агаркова, который рассматривал добросовестность как меру честности в отношениях субъектов [4, с. 52]. Такой подход является более чем актуальным применительно к институту преддоговорной ответственности, поскольку отказ от излишнего иллюстрирования возвращает правоприменителя к главной цели принципа добросовестности.

Источники и литература

- 1) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. - № 32. – Ст. 3301.;
- 2) «Гражданское уложение Германии» (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII - XIX, 1 – 715;
- 3) Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. № 70. 2016;
- 4) Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. – Т. II. – М. : ЮрИнфоР, 2002.;
- 5) Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2016. №2 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-dobrosovestnosti-v-rossiyskom-grazhdanskom-prave-stanovlenie-razvitie-perspektivy> (дата обращения: 10.11.2020);
- 6) Hedelmann J.W. Die Flucht in die Generalklauseln. Eine Gefahr für Recht und Staat. Tübingen. 1933;
- 7) Stammler R. Das Recht der Schuldverhältnisse in seinen allgemeinen Lehren. Berlin, 1897;
- 8) Strätz H. – W. Treu und Glauben. Bd. 1: Beiträge und Materialien zur Entwicklung von Treu und Glauben in deutschen Privatrechtsquellen vom 13. Bis zur Mitte 17. Jahrhunderts. Paderborn, Schöningh, 1997.